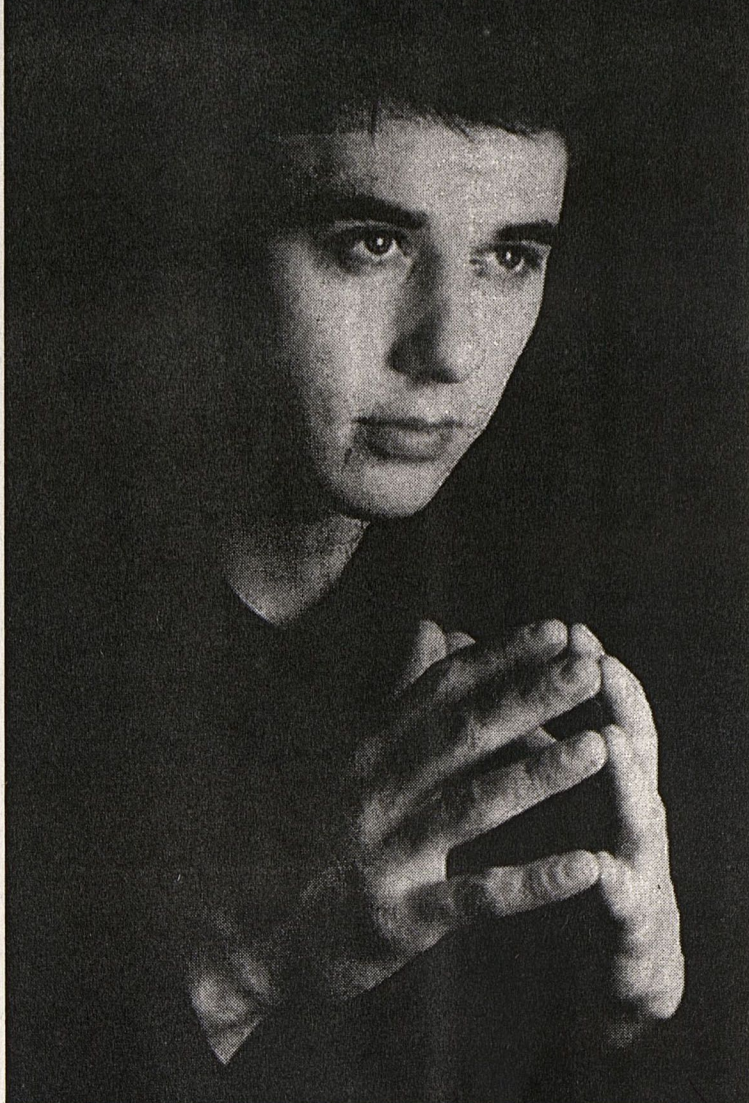

АКТЕР ИГОРЬ ПЕТРЕНКО:

НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ, ПРЫГАЮ В ОГОНЬ

Известия. — 2004. — 15 июня. — с. 10.
После «Звезды» Николая Лебедева актер **Игорь ПЕТРЕНКО** заслужил звание «Открытие года» по версии академии «Ника», народное признание и обидную кличку «русский Том Круз». Потом была главная роль в «Кармен» Александра Хвана. После сочинской премьеры своей новой работы, фильма Павла Чухрая «Водитель для Веры», Игорь ответил на вопросы корреспондента «Известий» Марии КУВШИНОВОЙ.

— В фильме вам приходилось самостоятельно выполнять трюки, входить в горящий гараж, бегать с настоящим ребенком по берегу моря. Это было сложно?

— Нет, несложно. Актерские сцены мне давались тяжелее. Может быть, это мое спортивное детство повлияло — я серьезно занимался гимнастикой, другими видами спорта. Формировался больше в этом направлении, чем в каких-то более интеллектуальных, тонких моментах жизни. Что касается физических нагрузок и трюков, то мне они доставляют ребяческое удовольствие. Не задумываясь, прыгаю в этот огонь и чувствую себя как рыба в воде.

— Ваш герой все-таки карьерист или он сближается с дочерью генерала не только из корыстных соображений?

— По натуре Витя не карьерист — он слишком прост и наивен. Он решил стать карьеристом и гнуть свою линию — к генеральским погоням. Когда жизнь ставит его перед выбором (а это было в картине несколько раз), он совершает поступки, не задумываясь о последствиях, — карьерист так бы не поступил.

— Мог ли у картины быть другой финал, мог бы ваш герой в момент опасности спастись бегством?

— Теоретически да, возможно. Но мне кажется, он не такой человек — он беззащитный, беспомощный. Я думаю, что как раз такие люди не задумываясь прыгают с гранатой под танк, а вовсе не те, что сильны в разговоре или с женщинами.

— Тем не менее Веру он не любит...

— Безусловно, речи о любви быть не может — на том этапе, на котором мы наблюдаем за их отношениями. Скорее жалость, родство душ. Но я более чем уверен, что если бы не трагический финал, эта любовь была бы самой сильной, потому что она построена не на страсти, не на плотском влечении. Почти все происходит на платоническом уровне, он видит ее насквозь, через маску злости, нервозности. Родство душ возникает из неблагополучности — и его, и ее.

— На экране мы видим типичный образец классового общества: Вера — элита, Виктор — обслуживающий персонал. Вы считаете, что подобный мезальянс был жизнеспособен?

— Если бы у них по отдельности все было замечательно, их отношения бы не сложились. Здесь страдание, боль, проблемы стирают все рамки, условности. Сопереживание друг другу уничтожило иерархию.

— Вам, сыну военного, часто приходилось сталкиваться с иерархической системой?

— Конечно, и сейчас приходится. Чем больше я работаю в этой профессии, тем больше наблюдаю случаев неравенства — жизнь сталкивает с самыми разными людьми. Я вижу «аристократов», пренебрежительно относящихся к «рабочим»... Вижу, как «рабочие» выбиваются в «аристократы». Но в силу профессии я существую вне этой иерархии. На мой взгляд, артист, творческий человек не может себя причислить к какой-либо касте. Он всегда вне этого. Мы, клоуны (*приподнимает кепку*), не делимся на разряды.

— Два ваших главных фильма — «Звезда» и «Водитель для Веры» — это ностальгическое ретро. Действие происходит то во время войны, то в шестидесятые годы. Почему вы движетесь именно в этом направлении?

— Не я выбирал, мне так повезло. Мне намного интереснее это время (о котором я знаю очень мало), чем современность. Борис Грачевский вчера сказал, что если бы сейчас родился Пушкин, его бы просто не заметили. Мне кажется, что тогда, до интернета, развития техники, телевидения, человек больше принадлежал себе. И имел большее значение. Сегодня мы рабы вещей, которые нас окружают.

— По-моему, вы идеализируете прошлое.

— Нет, я прекрасно понимаю, что и в прошлом были какие-то минусы, которые нас, к счастью, не коснулись. Но, мне кажется, люди были более целостными. Мне кажется, они больше думали о чем-то настоящем. Сейчас сознание человека загромождено уймой хлама. Очень сложно в этом не потеряться.

— Вам не кажется, что режиссеры предлагают вам подобные роли из-за вашей «правильной» внешности?

— Может быть... А может быть, мне просто везет, что меня утверждают на серьезные картины. «Звезда», например, для меня очень важное кино, хотя бы потому, что этот фильм — как страница учебника, по ней будет учиться поколение, которое ничего не знает про то время. Мы сделали иллюстрацию истории.

— Почему, как вы думаете, большинство состоявшихся теперешних картин — это ретро, а фильмы про современность почти сплошь неудачи?

— Реальность расплывлена, нет какой-то целостности. Все говорят о том, что да, любовь, дружба важны. Остановились, покурить, поговорили об этом и дальше побежали — в зарабатывание денег, в личное обустройство. Скорее всего это просто такой момент перелома. Наверное, все формируется заново, с нуля. Никто навскидку не назовет героя нашего времени. Потому что его нет, и никто не знает, каким он должен быть. Нет никакой конкретики, любая конкретика сейчас может привести в тупик. Время заставляет людей быть гибкими, от этого нет какого-то стержня. Многих ломает. Люди целостные практически не в состоянии выжить. Мой отец, например. Он настолько прямой человек, настолько требователен к себе и к окружающим, что у него практически ни с кем не складываются взаимоотношения. Он отслужил, сейчас на пенсии. Он не улавливает, не чувствует времени. Таким людям сейчас очень сложно.

Сочи

15.06.04